

Владимир Александрович Ермаков родился в 1949 году близ станции Петушки Московской области. Автор более десяти книг стихотворений и эссе. Произведения публиковались в крупных литературных изданиях России, Финляндии, Польши, США. Стихи и проза включены в хрестоматию для школ и ВУЗов «Писатели Орловского края XX век», антологию «Русская поэзия XXI век». Лауреат национальной Горьковской литературной премии. Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза писателей России. Поэт, публицист. Живёт в Орле.

ТРИ ЦВЕТА ПОБЕДЫ

Первый цвет — чёрный. Это фон. В нем слились воедино темнота европейской политики (преступной игры моральных уродов в мировую историю) и слепота партийного руководства, ведущего простодушную человеческую массу прямым путем из пропасти классовой борьбы в бездну мировой войны. Это непроглядность ночи, в которой собралась нечисть, чтобы прорвать небо над нами и хлынуть в прореху половодьем зла. Цвет пиратского флага, пошедшего на эсэсовские мундиры. Это лужа мазута возле разбитого танка, это чёрные лица сгоревших танкистов, это пепелище деревни, которую они не смогли отстоять, и разодранный гусеницами чернозём, в который их наскоро заруют... Это осенняя ночь подо Ржевом. Темень — хоть глаза выколи. *Только пули свистят по степи, только ветер гудит в проводах...* Когда не видно ни зги, и одиночество часового преодолевает только чувство локтя — чувство неразрывности судьбы со спящими в окопе, копящими силы для рассветной атаки. Это сгусток отчаяния и ненависти, это конец всех ярких обещаний и светлых надежд, — это последний цвет, траурным кре-

пом туч нависший над страной вдов и сирот. Второй цвет — красный. Цвет ярости. *Пусть ярость благородная вскипает, как волна...* Народная война изначально окрашена кумачом. Это всполох знамени, под которым проходили по Красной площади в последнем параде самоотверженные защитники Москвы. Цвет крови. Не венозной, старческой, багровой — свертывающейся в эмаль генеральских орденов, нет! — артериальной, юной, алой — жертвенной, стекающей в разорванную снарядом землю. В православной семантике красный ассоциируется с рождением, страданием и воскресением; в средневековой символике и у Данте красный цвет означает милосердие. Это цвет жизни, и в этом значении красный крест осенял белые повязки фронтовых санитарок. В красном тумане боли видел раненый склонившихся над ним врачей полевого госпиталя и сквозь гул контузии слышал самое главное: будет жить! А в славянском мире красный означает красоту. На миру и смерть красна. Наши предки надевали в бой кумачовые рубахи, чтобы не радовать врага видом ран, и червлеными щитами укрывали

Землю Русскую. Чтобы снова и снова светло и ясно всходило над ней красное солнышко. А еще красный цвет неотделим от страстной любви. И потому он доминирует в нашем видении подвига, ибо сказано в Евангелии от Иоанна: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.* Простые солдаты, скошенные на поле боя в великой жатве смерти и умершие от ран в тыловых госпиталях... невинные жертвы молоха войны, сгинувшие в концлагерях и сгнившие в безымянных могилах... старики, умершие от отчаяния, и дети, умершие от голода... несостоявшиеся невесты и безвременные вдовы, изведенные смертной тоской... — что все они знали о любви? Больше, чем кто-либо из тех, кто говорил о ней всуе. Мы, живые, обязаны им вечной памятью и вещей любовью.

Третий цвет — золотой. Цвет вечного огня и солнечного света. Равноширокие черные и жёлто-оранжевые полосы составляют георгиевскую ленту. Это исторически утвержденные цвета главного ордена солдатской доблести, возвращенные в разгар великой войны в гвардейскую символику. В геральдике оранжевый цвет выражает гордость, а жёлтый — великодушие; золото всегда и везде олицетворяет величие, благородство и славу. Нержавеющий металл как бы вобрал в свою ауру надежды человека на бессмертие. Если не всего, то хотя бы самого лучшего. Золотыми буквами имена победителей вписаны в историю. Золотыми литерами высечены имена павших на мемориалах великих битв. Венок победителя для русского солдата сплетен не из лавровых ветвей, а из спелых ржаных колосьев. Ведь оттого так щедро колосится поле, что полито не только потом крестьянина, но и кровью солдата. Великую победу русский народ оплатил

самой дорогой ценой: значительной частью золотого запаса национального генофонда.

Когда наступает ночь, в снящейся самой себе России последние живые ветераны Великой Отечественной снова и снова занимают боевые позиции согласно приказу. Плечом к плечу с погибшими товарищами. Пока это воинство держит незримый мистический фронт, их дети, внуки и правнуки могут спать спокойно; фашизм не пройдет! Утром старики большей частью не помнят своих ночных сражений со смертью, и плохое самочувствие попросту списывают на перемену погоды и издержки возраста. Однако в каком-то высшем смысле каждое новое утро они возвращаются с войны. *Я не знал, что для тех, кто сражался, война никогда не кончается.* Я понял эти слова итальянского писателя Курцио Малапарте много позже, чем прочел их в эпитафии одной антивоенной книги. Когда однажды на рассвете, через полвека после Победы, отец закричал во сне и размашистым движением руки столкнул стакан с ночного столика. Смущенно и неохотно он рассказал свой сон. Рассвет застал его на передовой, и немецкий танк медленно и неотвратимо надвигался на окоп. И тогда он выскочил навстречу с последней гранатой...

Едва ли не единственное свое стихотворение о войне я написал как слово к отцу:

За всё заплачено сполна,
и мера велика...
Но не кончается война
во сне фронтовика.
И не подбит последний танк,
и не подавлен дот.
И вновь мальчишка-лейтенант
ведёт в атаку взвод.
Вот под нестройное ура
фашист с высоты сбит.

— Петров, прикрой огнем с бугра!
Да что ж он там?! — Убит.
— Где помкомвзвода... мать твою! —
бери левой, к леску:
готовь оставшихся в строю
к последнему броску...
Но вот рассвет. Холодный час.
Незримый фронт притих.
— Взвод! Становись и рассчитайсь
на мёртвых и живых...
Отец, Победа — за тобой,
забудь же наконец...
Но снова — ночь, и снова — бой...
Вернись живым, отец!

Однажды он не вернулся... В высокой печали всенародного праздника Победы я ставлю на алтарь памяти две своих свечи, две своих душевных тревоги. Одна — за упокой души гвардии лейтенанта Александра Ермакова, пропахавшего с пулеметным взводом свою и чужую землю от Оки до Балтики. Другая — за гвардии капитана Виктора Азарова, дяди моей жены, командира штурмового батальона, вскрывшего сотоварищи бронированную консервную банку Кенигсберга. У каждого из нас в сердечной близости есть кто-то из тех героев. В слав-

ные годовщины их именуют по всей форме почётным титулом: *ветераны Великой Отечественной войны*. Сами себя они звали проще: *фронтовики*. Их красной кровью выкуплена Россия из чёрного пожарища под золотые хлеба.

Свет Победы — вечный огонь над могилой неизвестного солдата. Жертвенная струйка природного газа сжигается нами во исполнение гражданского ритуала — необходимого, но недостаточного обряда поминовения павших. В День Победы к этому общему огню каждый должен добавить частицу света от себя. Зажечь свечу в своей памяти. Ибо у каждого из ныне живущих есть в той войне своя доля.

Так же, как у каждого нашего современника есть своя тревога и забота о тех, кто ныне сменил поколение героев в вечной войне России за право быть Россией. По самым приблизительным данным, в сражениях за освобождение Украины в той войне погибло около трёх с половиной миллионов наших бойцов. Мне кажется, что павшие в той войне ныне восстали из своих братских могил, чтобы поддержать живых, сражающихся за право живых на вечную память о своих мертвых.

ПЯТЬ ДАРОВ ГОСПОДА

Человек от рода так мал и слаб, что глядя на человечьего детеныша природа испытывает сомнение: выйдет ли из этого существа какой толк? На вершине своего могущества человек так велик и силен, что внушает животный страх всему живому, включая самого себя. В отличие от всех прочих известных нам существ, человек сам ставит себе цели и создает средства для их достижения. То, что составляет его существо, логика

полагает как разум, а интуиция угадывает как душу. Есть подозрение, что в каком-то смысле это одно и то же, но увиденное в разных ракурсах — исходя из условий задачи самопознания и с точки зрения вечности. То есть разум — это чудо природы, а душа — образ божий. Во всяком случае, конечное предназначение человека превосходит его изначальные возможности. Этот парадокс делает удел человека неизбывно

трагичным,— но нет другой дороги для разума и нет иного пути душе.

Русский философ Федор Степун, более известный и признанный на Западе, чем до сих пор в России, в годы Гражданской войны, в половодье трагического, мучился загадкой этого противоречия. *Каждый человек, осознающий себя на достаточной глубине, неизбежно осознает себя в раздвоении. Каждый дан себе как бы двояко, дан себе как несовершенно, как то, что он есть, — и как совершенство, как то, чем он должен стать; дан себе как факт и задан себе как идеал; дан себе как хаос и задан себе как космос; дан себе как шум всяческого «хочется» и задан себе как строй единого «хочу». Благодаря такому раздвоению своего бытия и сознания человек неизбежно изживает свою жизнь как борьбу с самим собой за себя самого. Бог ему в помощь...*

Кажется, что есть некий неодолимый метафизический закон сохранения незримого вещества нашего существования. Сколько бытия прибудет в одном месте, столько же убудет в другом. Это трудно понять с ходу и принять сразу, но я попробую объяснить конкретнее, и думаю, что вы со мной согласитесь. Хотя бы отчасти. Хотя бы потому, что другие объяснения не успокаивают растревоженное чужим счастьем чувство зависти.

Не знаю, в чем тут дело, только по высшему счету прогресс не оправдывает возложенных на него надежд. В наших веках больше знания и справедливости, чем в дремучих дебрях древности и тернистых теснинах средневековья, но меньше мудрости и милосердия. Чем выше восходит лестница цивилизации, тем дальше мы от седьмого неба, где нас ждет обетованное блаженство. Коэффициент счастья в человечестве таинственным образом не изменяется. Выигрыш в количестве материальных благ оборачива-

ется проигрышем в душевном спокойствии. Прибыль в престиже оплачивается потерей независимости. Бытовой комфорт потребительского общества обретается за счет смысла жизни. Успехи физики достигнуты ценой потери метафизики. Не велика ли цена?

Полагая благополучие целью, человек становится лишь средством достижения благополучия. Орудием сизифова труда и оружием собственного поражения. Священное вещество существования расходуется бессмысленно и беспощадно как природное топливо нашего тщеславия. Жизнь проходит... проходит мимо.

Метафизика возвращает человека к изначальным условиям его удела. В притче о пяти талантах (Евангелие от Матфея: 25; 14-30) Христос заповедал каждому человеку трудиться над развитием данных ему от Бога способностей. Не для того, чтобы встать над людьми, а чтобы подняться над собой. Если хотите — исполниться по Божьему замыслу. Один из знаменитых проповедников XIII века францисканский монах Бертольд Регенсбургский определил удел человека в пяти измерениях обыкновенной жизни. Он назвал их известными всем словами, но истолковал как пять даров Господа каждому человеку. Вот эти дары:

Персона — Служба — Имущество — Любовь — Время.

Персона (мы бы сказали: личность) в философском смысле есть возможность и необходимость себя как человеческой уникальности. Это чудо, творимое ежечасно: быть собой. Самое главное достояние каждого и предмет всяческого попечения — *наша собственная персона, каковую Господь сотворил по собственному образу и подобию и облагородил, даровав ей свободу воли.* От осознания ответственности дух захватывает счастливая тревога. Я есть! ... и

этот факт установлен мною как точка опоры всей жизни.

Служба, или (применительно к нашему веку) должность, призвание, профессия (а ещё точнее — место в иерархии) — это социальная функция индивида. Никто не есть сам по себе, да и сам для себя немного значит, если он ничего не значит для других. Частность человека наполняется из общего, и наполняется парадоксально: когда он берёт — убывает, а когда отдаёт — возвеличивается. Нет существа несчастней лишнего человека.

Имущество — не количество, а качество материального богатства; магическая власть человека над вещами. Пожалуй, это самый опасный из всех даров. В славянском языке *добро* означало и собственно имущество, и благо вообще. И в этом был очевидный смысл. Знание — сила, а владение — мощь. Но обоюдоострый золотой меч мог защитить от вражеских козней, а мог поразить в сердце своего владельца. И тогда — легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому войти в рай. Понятие *священная собственность*, порожденное протестантской этикой капитализма, означает не только права хозяина многих вещей перед прочими людьми, но и его ответственность перед Богом. Кому многое дано, с того много и спросится. (Кто бы объяснил это нашим олигархам...)

Любовь. Самое главное — любовь. Настолько главное, что в предельной концентрации вся суть истинной веры вмещается в три слова: Бог есть любовь. Если давать метафизическое определение любви, то она не что иное как радостное согласие на бытие и согласие внутреннего голоса с ангельским хором. Праздник, который всегда с тобой. Короче: ежечасное счастье. Как правило, нелегкое. Но глубина переживания гармонии с миром с лихвой окупает все душевные

затраты. (Не говоря уже о материальных.) Когда человек любит другого человека, он видит его таким, каким того задумал Бог. Поистине: любящий ближе к Богу, чем верящий. Может быть, из всех десяти заповедей для нас насущно необходима лишь одна. Одна — и та в краткой редакции: *возлюби...* Возлюби — и этого будет достаточно для спасения.

Время. Хотя время (по мнению Бертольда) создано Богом и остаётся Его собственностью, оно дано в безраздельное пользование каждому человеку. Душа человека тоскует о вечности, но реальная возможность *быть* даётся человеку лишь единожды — как бы взаимы. И величайшая глупость — потратить её на пустяки. Пульс крови соразмерен ритму часов. Фатальный лимит времени повышает экзистенциальное напряжение до силы мощностью в тысячи лошадей. Силы, движущей сознание через пустыню отчаяния и преодолевающей трясину сомнения. Потому что (как сказал блаженный Августин) — *всё, что кончается, слишком коротко*. Тем более что срока своего никто не знает — и эта неопределенность стократ увеличивает ставку на каждое мгновение.

И вот ведь что выходит в итоге: эти божьи дары суть необходимые и достаточные условия человеческого достоинства. Они сосуществуют как слагаемые в озадаченности человека самим собой. В сумме выходит жизнь. Причем от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Рая на Земле не было, нет и не будет никогда. Что-то мы не так поняли про обещанное тысячелетнее Божье царство. Вся возможная полнота жизни дана нам *здесь и сейчас*. Удел человека — совершить труд своей жизни в радости сердца своего. Вопреки предопределённости болезни и неизбежности смерти, невзирая на тоску утрат и муку поражений. Крушение отличается от

краха не ложностью замысла, а непреложностью смысла. Суть трагедии не в катастрофе, а в катарсисе. В том очищении души через потрясение чувств, через которое сознание обращается к вечным ценностям. О которых человек как-то забывает в суете временного существования. Человек волен верить или не верить в Бога. Но чтобы быть человеком,

он должен жить по-божески. Так же, как все. Так же, как всегда. Только с благодарностью в душе и с радостью в сердце. Ибо благодарность — критерий благородства натуры, а радость — индикатор состояния совести. По этим показаниям человек сверяет правильность своего образа жизни. Это в нас от Бога. А что сверх того — от лукавого.

ГОРОД НА ПЕРЕКРЁСТКЕ ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИИ

По византийскому преданию, при закладке Константинополя над головой императора Константина взлетел орёл, предвещая городу царственную судьбу. То же случилось при основании царем Петром новой русской столицы, — как сообщает анонимная рукопись XVIII века. По нашему местному преданию, записанному двести лет тому назад орловским старожилом Дмитрием Басовым, орел воспарил с дуба, срубленного на стрелке Оки и Орлика при закладке крепости, в честь сего знамения названной Орлом. Правда, авторитетные краеведы указывают на разные несуразности в сюжете, сводя становление и существование пограничной крепости к оборонительной надобности и политической необходимости. От начала и далее центральная власть не относилась к Орлу с должным уважением, надлежащим его имени. Потому, видать, и не исполнилось предзнаменование. В отличие от Царьграда и Петербурга, Орёл ни в метрополии, ни в мегаполисы так и не вышел. Может, оно и к лучшему. И без того на его долю досталось слишком много исторических событий.

Собственно говоря, город был основан не на пустом месте... но на сильно запущенном

— в древней земле вятичей, из-за кровавых прений пришедшей в историческую негодность, и за то прозванной Диким Полем. Весной 1566 года царь Иван Васильевич (по порядковому номеру IV, а по личному прозвищу Грозный) совершил объезд южных границ своих владений. Осознав значение нашего края для державного дела, царь отдал распоряжение об укреплении рубежа. Уже к осени на стратегически важном месте, на перекрёстке торных дорог и окольных путей, была поставлена срубная крепость с храмом внутри, населенная *прибавочными людьми*, велением свыше приписанными к скудному местному населению, чтобы вернуть богом забытый край в русло истории.

Первые полвека своей истории город был занят тем, что отстаивал своё намерение быть городом. За полвека город отстроили, обустроили и отстояли от татар. Только обжились в посадах горожане в третьем поколении — началась Смута. Царь Борис (Годунов) умер, не сумев заложить новую династию, и люди без царя в голове стали толпами переходить на сторону воскресшего царевича Дмитрия, чьи претензии поддержала демократическая Европа. (А как иначе? просвещённые европейцы всегда готовы

найти нечто хорошее для себя в том, что для россиян выходит худом). Так начались в русской земле раздор и шатание. Все восстали против всех, и ни в ком правды не стало. Насельники орловского края, потерявшие политическую ориентацию, встретили Самозванца хлебом-солью. *Только в Орле горсть великодушных не хотела изменить закону: сих достойных россиян, к сожалению, не известных для истории, ввергли в темницу.*¹ Второй Лжедмитрий тоже побыл в Орле. Более того, — настолько обосновался, что прежде того, как узурпатора прозвали тушинским вором, его величали орловским цариком. (Что надо помнить, — ворами в старину звали бунтовщиков; отсюда присловье: *Орёл да Кромь — первые воры*). Так Орёл, во исполнение предзнаменования, всё-таки побывал столицей... курам на смех и на горе горожанам. Ибо все незваные гости воровской столицы, волей или неволей уходя из Орла, норовили его напоследок пограбить и пожечь. К концу Смуты, иначе — Лихолетия, от Орла осталось только гиблое место, которое даже татары, снова повадившиеся на Русь, проходили по касательной.

* * *

Во второй четверти XVII века Орёл застраивается и заселяется заново. Всерьёз и впредь. Чтобы отныне и присно стать одним из коренных городов русского государства. Демографический проект самодержавного режима осуществлялся жесткими методами. Люди царские и барские, люди божьи и беглые, люди лихие и лишние, люди всякие и разные, волей или неволей, осаживались в верховьях Оки... их потомки стали нашими

¹ Николай Карамзин «История государства Российского».

предками. Чтобы сплотить пришлых людей в земляков (*буйных орловцев*, по известному самоопределению Леонида Андреева), истории пришлось изрядно потрудиться. Спросите любого краеведа, и он вам столько расскажет...

Проникновенное и пронзительное видение города как мистического погоста открывается в визионерской прозе Анатолия Загородного. *Город стоит на костях и костями... Орёл, сей перекресток, сей пуп российский, стянул на себя и всю историю русскую, и напился и славой её, и её тысячелетним ужасом, и жиром её, и сукровицей.* В авторском ракурсе, выбранном болью о живых и скорбью о мёртвых, простая реальность воспринимается как потаённая фантазмагория. *Мелькнула чья-то борода, накидка, трость, должно быть, это Тургенев в гости к Леониду Андрееву. Чему же тут удивляться? Но Андрееву же некогда. Он и до сих пор, верно, всё пишет свой «Рассказ о семи повешенных», да рассказ всё не закончится...²* История продолжается, и старые страхи меркнут перед житейскими ужасами. Живописуя скрытый план города, автор сгущает краски, используя метафоры как аргументы, — но такое пристрастное отношение к теме оправдывается образующейся суггестивной словесностью: так сгущается, засыхая, пролитая кровь...

Хроники Орла полны выразительных подробностей. Вот, к примеру. *В начале царствования государыни императрицы Екатерины Алексеевны, города Орла жителя Ивана Федоровича Давыдова за разные его нехорошие поступки и за буянство, тут же за воровство (то есть бунтарство), повесили на глаголе (виселице в форме буквы Г). Гла-*

² Анатолий Загородный «Азия и Россия: цвет и свет».

гол стоял за Орликом на горе (вероятно, в районе Дворянского гнезда). Рассказывала семидесятилетняя старуха: — Мы смотрели с правой стороны реки Орлика, и видели его издали. Даже в воде тень его видна была, как он метался и кричал, а повешен был за зебры (то есть за челюсть).¹ Чем не сюжет для Андреева? Та еще готика... воистину ужасны люди, живущие во зле: себя не жалеют, и ближнего не щадят. Даже в лучшие времена. А уж когда горе придёт, его на всех с лихвой хватит. И новое зверство будет в разы страшнее старого...

3 октября 1941 года Орёл захвачен немцами, установившими в городе «новый порядок». В январе 1942 года «за саботаж» были повешены на Ильинке комсомольцы Алексей Матвеев, Иван Кочергин и Дмитрий Ключников; тела казнённых раскачивались на осеннем ветру как выпавшие языки незримых и неслышных колоколов, призывающих к мужеству и мщению. К возмездию. И возмездие пришло...

Егор Щекотихин, рьяный историк и ревностный патриот, в фундаментальном труде «Орловская битва» показал и доказал, что сражение за Орёл, взятое в пространственно-временном масштабе, было величайшим сражением в истории. Общее число павших, навечно прописанных в нашей земле, не поддаётся счёту. Без вести пропавшие, отрядами и поодиночке, до сих пор выходят из сырой земли на свет божий, чтобы, не открывая своих имён, с воинскими почестями перейти из временного забвения в вечную память.

Орёл, город воинской славы, не просто заслужил свое место на географической карте — он отвоевал своё право быть в истории. В сердце города, в сквере Танкистов (быв-

шей Ильинской площади), расположен мемориал павшим за то, чтобы наш город был нашим. Это не кладбище, а святилище: эти кости не останки, захороненные под плитой, а мощи, сохранённые под спудом. Здесь, в чести и славе, покоятся святые заступники града-на-крови: солдаты свободы.

* * *

Родина многих великих литераторов, Орёл был пожалован вниманием едва ли не всех русских писателей. Вот, хотя бы, два характерных момента, взятых почти случайно.

В трагическом финале «Идиота» мельком упоминается, что Настасья Филипповна намеревалась уехать в Орёл. Почему — в Орёл? Неизвестно; Достоевский этого не прояснил. Но мы, земляки Тургенева, вправе предположить, что роковая женщина хотела укрыться от рока в монастыре — следуя примеру Лизы Калитиной. Да вот не пустил её Достоевский! понятно, почему: вряд ли два столь разных литературных образа смогли бы ужиться в одном виртуальном пространстве...

А за полвека до того по воле Толстого в Орле поселился Пьер Безухов, восстанавливавший физическое и душевное здоровье после тяжкого московского плена. *Пьер испытывал во всё время своего выздоровления в Орле чувство радости, свободы, жизни...*² О, целительная медлительность, присущая нашим неспешным дням! Провинциальная повседневность отлична от столичной плавным течением жизни: то ли тенистая заводь, то ли тихий омут... Жить здесь — поживать! Диву даешься, — чего людям не живётся? А вот, уезжают ведь. И порой — далеко. Слава богу — не все, далеко не все.

¹ Дмитрий Басов «История города Орла».

² Лев Толстой «Война и мир».

В эмигрантской литературе вкрадчивая прелесть русской провинции отложилась ностальгической интонацией, озаряющей былое не вечерним светом. Вот как передал ауру Орла Иван Бунин! — *Я шёл вниз по Болховской, глядя в темнеющее небо, — в небе мучили очертания крыши старых домов, непонятная успокаивающая прелесть этих очертаний... Зажигались фонари, тепло освещались окна магазинов, чернели фигуры идущих по тротуарам, вечер синел, как синька, в городе становилось сладко, уютно...*¹ Боже, как ясно, как просто... как чудесно! Читаешь и чувствуешь, как прямая речь, тая словами в уме, стекает смыслами в душу.

По инициативе фонда «Культурное движение» эти волшебные слова вынесены на фасад одного из зданий на той самой орловской улице. Это начинание, одна из инноваций фонда, имеет целью насыщение городской среды литературными реминисценциями. Другое дело того же фонда — **Мумыfest**, фестиваль, организованный Сергеем Ступиным, тогдашним мэром на радость горожанам 1 августа 2015 года. Праздник, исполненный дерзости, лёгкости и весёлости, придуманный и проведенный для поддержания имиджа литературной столицы. В этот день стараниями организаторов случилось много хорошего. Но самое главное — с общего согласия привели классический текст в соответствие с законом о защите животных: собравшись всем миром, равнодушные орловцы спасли несчастную собачку по кличке Муму от утопления! — и тем не только сняли грех с Тургенева, но и облегчили свою душу. Согласно тайным законам социальной психологии и принципам практической метафизики, когда люди сообща делают

что-либо хорошее, они становятся лучше. И подумалось вот что: счастье города, если переиначить известную ленинскую формулировку, — это своя власть плюс оптимизация повседневной жизни. Обозначившаяся в последние годы тенденция к развитию потенциала Орла как литературной столицы — единственно верная стратегия коренного города, обещающая ему достойное место на ментальной карте страны. Хорошо бы, чтобы отцы города между памятными датами впрямь делали то, о чём так хорошо говорят в праздничные дни...

В преддверии очередных выборов, не слишком разбираясь в избирательных интригах организованных политических группировок, я твёрдо уверен в одном — Орёл, чтобы подняться над обстоятельствами места и времени, должен иметь ясную голову.

* * *

Классики любили Орёл. А вот современники его не слишком жалуют. Какое-то необоснованное недоброжелательство открывается в небрежных упоминаниях нашего города в разных контекстах. Что это — порывы ревности к всемирной славе города первого салюта? или миазмы зависти к мировой известности третьей литературной столицы? Потому надо голосовать не сердцем (как призывали нас голосовать тёмные люди в хмурое утро российской демократии), а подходить к этому делу в здравом уме и твердой памяти. И если в уме добрые мысли, а в памяти славная история города, выбор будет верным.

В современной культурной жизни у Орла, увы, репутация какая-то сомнительная. Даже такие славные люди как режиссёр Георгий Данелия и сценарист Геннадий Шпа-

¹ Иван Бунин «Жизнь Арсеньева».

ликов, авторы культового фильма «Я шагаю по Москве», не удержались от сарказма в нашу сторону. В блистательном эпизоде, где речь идет о связи литературы с жизнью, подловатый полотёр (которого виртуозно сыграл Вениамин Басов) рассказывает молодому писателю (которого по фильму зовут Владимир Ермаков) свою историю: *К тётке в Орёл я как-то приехал; прилёг на скамеечке отдохнуть... просыпаюсь — часов нет! пальто свистнули! во — сюжет! Вот она, правда жизни.* А вот не надо так обобщать! В те же годы, будучи нетрезвым, я не раз засыпал на городских скамейках — и никому, кроме заботливых стражей порядка, до меня дела не было...

В романе Александра Илличевского «Матисс» главный герой, потерявший столичную прописку, оседает было в Орле, но скоро убирается восвояси: нечем жить! В романе Дмитрия Быкова «Остромов» эпизодический герой, бездарный литератор, резюмирует местную духовную жизнь одной фразой: *В Орле разве выбьешься! Тупость, зависть...* В романе Максима Кантора «Учебник рисования» некий резонёр, выражая прогрессивное мировоззрение либеральной элиты, мироощущение орловских жителей полагает примером мысленной замшелости: *Я имею в виду ту часть населения*

России, мнением которой интересовались, — и прежде всего, конечно же, демократически ориентированную интеллигенцию. Ну не мнением же бабки из Орла интересоваться... Не знаю, что думают наши пожилые дамы, но традиционно ориентированная провинциальная интеллигенция к подобным явлениям столичного снобизма относится без всякого доверия. А всё же неприятно читать о нас такое... Тем более от людей, которые если по какой своей надобности выезжали из Москвы, то не проселочной дорогой в глубину России, а торным путём наших эмигрантов: на запад. На закат.

Конечно же, все процитированные высказывания, задевающие наше самолюбие, не имеют никакого отношения к нашей действительности: это всего лишь выражение высокомерного отношения московской тусовки, полагающей себя национальной элитой, к русской провинции, которую они не знают — и знать не хотят. Хотя едва ли не всё лучшее в русской жизни родом отсюда — не из Орла, так из той же незапамятной русской старины. Такая у нас история. Мы, местные, знаем, что вся Русь — окрест Орла. Такая у нас география. Как верно сказал Иван Сергеевич — *на тысячу вёрст кругом Россия — родной край...*¹ Решится ли кто из нынешних авторитетов оспорить Тургенева?

¹ Иван Тургенев «Деревня» (Стихотворения в прозе).